

СЕКЦИЯ 6

«КУЛЬТУРА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»

СОДЕРЖАНИЕ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ Мишина Т.В., кандидат философских наук	576
«Отмена культуры» в образовательном пространстве университета Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социологии	579
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОДА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ Орлова Е.В., кандидат философских наук кафедры философии, культурологии и социологии	586
Актуальные проблемы прикладной этики в современной культуре Парусимова Я. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии	591
ИСТОРИЯ В МУЗЕЕ И МУЗЕЙ В ИСТОРИИ Просвирнина О.И.	596
ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «УКРАИНЕЦ» В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук, доцент Сапельников Я.А., студент группы 22И(б)ИР	601

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

**Мишина Т.В., кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар**

Современный мир уникален, наполнен радикальными преобразованиями и изменениями, затрагивающими практически все сферы человеческой жизнедеятельности. К сожалению, не все трансформационные преобразования носят конструктивный характер. Например, мы можем наблюдать переписывание истории, заимствования достижений, не всегда правдивую информационную насыщенность и доступность, осуждение системы ценностей и так далее. Но стоит отметить и положительные стороны данных трансформаций: возобновление и активизация интереса к родной культуре, смещение с идеологии Запада на самобытность, пропаганда духовно-нравственных ценностей и развитие патриотизма, осуждение не свойственных российскому обществу идей и взглядов, отказ от глобализации и тотальной толерантности.

В рамках данной работы, под аксиологическими трансформациями мы будем понимать изменения в системе ценностей и ценностных ориентиров представителей различных культур. Система ценностей формируется у человека в процессе инкультурации и социализации, то есть в процессе взросления, воспитания и приобщения к культуре и социуму. В зависимости от устоев и жизненных ориентиров в семье, формируется аксиологическая основа, которая со временем может трансформироваться. Что же может повлиять на изменение ценностных установок и ориентиров? Попробуем обозначить основные факторы:

1) Окружение. Например, друзья на детской площадке, в образовательных учреждениях или рабочем коллективе. То есть при общении и взаимодействии с другими людьми так или иначе происходит информационный обмен, который наслаивается на заложенное ранее мнение. Мы перенимаем, воспринимаем, интерпретируем и сохраняем новые знания. Большое значение при данной трансформации имеет когнитивный пласт, то есть сформированная концептуальная система, заложенная в процессе взросления и воспитания, трансформируясь, накладывает новые знания на уже имеющиеся. Частое явление при данном процессе – это когнитивный диссонанс, при котором наблюдается восприятие одного и того же явления принципиально различно.

2) Тяжелая жизненная ситуация. Это ситуация, при которой происходит переоценка уже сложившейся аксиологической системы. Примером может служить тяжелое заболевание, потеря близкого человека, предательство, ситуация, когда человек находится «между жизнью и смертью» и т.п. Именно в таких ситуациях человек по-новому смотрит на мир, начинает ценить то, что ранее казалось незначимым и наоборот.

3) Идеология. Данный фактор – самый объемный в рамках наших рассуждений. Что же такое идеология? Это совокупность принципов и установок, определяющих взгляды большинства людей, формирующих их мировоззрение. Средства формирования идеологии могут являться политические взгляды и убеждения лидеров. То есть политический режим, система правления, средства массовой информации (федеральные каналы) формируют идеологические ориентиры, задают коммуникационные и аксиологические ориентиры населению. Например, в современном мире очевидно смещение идеологического ракурса от культурной глобализации к культурной самобытности. Представители различных культур стараются отделиться и абстрагироваться, возрождая культурные ценности, обычаи, традиции, фольклор своего народа [1].

В современной культуре происходят значительные изменения в сфере ценностей, и эти изменения можно назвать аксиологическими трансформациями. Некоторые из них включают:

1) Индивидуализм и плюрализм. Современное общество отличается отсутствием единого нормативного набора ценностей. Люди все более придерживаются индивидуальных ценностей и стремятся к самореализации, что приводит к плюрализму ценностей. В современной России данному явлению уделяется повышенное внимание. В образовательных и досуговых учреждениях внедряются новые программы воспитания с акцентом на формирование гражданской ответственности, патриотизма, милосердия, сострадания, взаимоуважения, духовно-нравственного воспитания граждан, для смены аксиологических парадигм [4];

2) Смещение ценностей в сторону материальных благ. В современном обществе наблюдается увеличение внимания к материальным благам, потреблению и накоплению богатства, что может привести к утрате ценностей общечеловеческого характера. Данное явление очень хорошо прослеживается в различных социальных сетях и мессенджерах. Известные блогеры и медийные личности будируют с экранов легкость получения материальных благ, дорогостоящие путешествия и покупки, что, несомненно, формирует массовое сознание подрастающего поколения;

3) Благодаря доступу к информации люди всё больше открывают для себя новые культуры, традиции и ценности, что способствует расширению культурного кругозора и толерантности. Познавая иную культуру, мы начинаем ее понимать, принимать и не осуждать. Доступность такого рода информации, несомненно, положительно влияет на межкультурное взаимодействие в поликультурном пространстве;

4) Экологическое сознание и ценности устойчивого развития. В последние годы становится все более актуальным вопрос экологии, что отражается на изменении ценностей на более экологически осознанные и ответственные;

5) Развитие цифровых технологий и новые ценности в сфере виртуальной реальности: в современном мире цифровые технологии заполнили все

социальное пространство, нередко заменяя реальные коммуникационные взаимодействия [3].

Эти аксиологические трансформации отражают текущие изменения в ценностях и убеждениях людей в современной культуре и обществе [2].

Таким образом, в зависимости от ракурса рассмотрения аксиологической трансформации мы наблюдаем:

- содержательные трансформации системы ценностей (то есть при идеологическом плюрализме изменяется смысловое значение тех или иных ценностей);

- ложные мнения (при большом потоке не всегда правдивой информации может строиться ложная система ценностей, которую индивид рассматривает как достоверную, ссылаясь на мнения интернет-сайтов и каналов);

- смена ценностных парадигм (мы наблюдаем смещение ракурса ценностных ориентиров, например, с духовного на материальный. То есть в иерархии ценностей на вершине появляются новые ориентиры).

Трансформационные изменения в современной России коснулись не только аксиологической системы, а также затронули социальные, экономические и политические сферы жизнедеятельности, что требует дальнейшего рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битарова, Л.Г. Философия: учебно-методическое пособие / Л.Г. Битарова, А.В. Тонковидова, Е.А. Найденко, Е.А. Еремина. – Краснодар: КГУФКСТ, 2018. – 189 с.

2. Вербицкий, А.А. «Цифровое поколение»: проблемы образования / А.А. Вербицкая // Профессиональное образование. Столица. – 2016. – № 7. – С. 10–13.

3. Гордиенко, О.В. Аксиологические характеристики цифровой трансформации образования / О.В. Гордиенко, А.А. Соколова, А.А. Симонова // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 3. – С. 9–21.

4. Тонковидова, А.В. Патриотизм и социальность (на материалах философии И.А. Ильина) / А.В. Тонковидова // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы VII Международной научной конференции. – 2023. – С. 245-247.

«ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

**Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент кафедры философии,
культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

Проблемы культуры всегда были актуальными для гуманитарной науки и не только потому, что гуманитарные науки, в отличие от «наук о природе», т. е. естественных наук, являются «науками о духе», «науками о культуре», как определяли их неокантианцы и представители философской герменевтики: В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер и др. Именно достижения в культуре, по мнению многих философов, являются главным критерием оценки уровня развития общества и его вклада в развитие всего человечества. «В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности» [3, с. 523], – писал по этому поводу русский философ Н. А. Бердяев. Именно культура в отличие от цивилизационных достижений, имеющих общечеловеческий характер, придает неповторимость и своеобразие стране, территории, конкретному городу.

Особую актуальность проблемы культуры также всегда имели для России и российского научного гуманитарного сообщества. Это связано прежде всего с тем, что уже начиная с XVI века Россия формируется как полиэтническая цивилизация, характеризующаяся огромной степенью культурного разнообразия. Российская империя, а затем и Советский Союз объединили в рамках одного государства более сотни разных народов, придерживающихся разных традиций, исповедующих разные религии, обладающих своей уникальной культурной спецификой. И этот процесс «испытания культурой» (В. Л. Иноземцев), длящийся более пяти веков, не завершен и сейчас, создавая постоянные угрозы в обеспечении этнокультурной безопасности страны, а также в реализации проектов модернизации на разных этапах истории, начиная с эпохи Петра I [13].

Еще более актуальной эта тема становится в конце XX века в связи с радикальными изменениями всего мирового порядка, вызванными распадом СССР и всей социалистической системы, усиливающимися процессами глобализации и интенсификации межкультурных коммуникаций во всем мире. Постсоветское пространство становится ареной многочисленных межкультурных, межэтнических, межнациональных конфликтов, в которых определяющую роль начинает играть культурная, цивилизационная идентичность народов, еще недавно называвших себя «братскими». Все эти хаотические процессы выдвигают проблемы культуры и межкультурного диалога на первый план современной гуманитарной науки. Как пишет американский политолог С. Хантингтон, на рубеже XX-XXI веков именно

культура и ее фундаментальная составляющая – религия, становится главным фактором, определяющим отношения между народами [14].

Существенную роль в активизации научного интереса к проблемам культуры сыграли также процессы модернизации в постсоветских государствах, в том числе в России, которые мало где можно было бы назвать успешными и результативными. Попытки осмыслить и понять причины срыва модернизационных проектов в бывших союзных республиках, освободившихся от «колониальной зависимости», приводит к активизации социогуманитарной компаративистики на стыке культурологической и экономической наук с целью выявления культурных предпосылок социального развития. «Веберовский ренессанс», связанный с признанием «программирующей роли культуры в социальной эволюции» [7, с. 63], подпитывается в эти годы синергетическими исследованиями, согласно которым культура есть «память» социальной системы, определяющая степень допустимости внешнего воздействия на систему и возможные пути ее дальнейшего развития [13, с. 36]. А значит, «не все, что угодно, не все, что входит в намерения субъекта реформаторской деятельности, реализуемо в данной социальной среде...» [9, с. 165]. Заимствование правящей элитой постсоветских государств западных по своей сути форм организации общественной жизни, не укорененных в собственной культурной традиции, ведет к появлению таких социокультурных феноменов, как «имитационная демократия», «колониальная демократия» (А. А. Зиновьев) и т. п.

И наконец, приведем еще один важный и неоспоримый факт. Величие России в течение последних веков определялось ее достижениями в сфере культуры: искусстве, литературе, музыкальном и изобразительном творчестве. Как утверждают специалисты в сфере экономики, «международная репутация российской культуры превосходит репутацию российских товаров и государственного управления. Культурный имидж Российской Федерации высоко оценивают во всем мире... она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости перевешивает потенциал экономического фактора» [5, с. 62-63]. Российская культура – это те достижения российского общества, которые даже в сложные, кризисные годы существования государства составляли предмет особой гордости граждан страны, основание их патриотизма; достижения, которые не могут быть оспорены и подвергнуты сомнению ни одним образованным человеком. И мысль об этом звучит сегодня в каждом выступлении Президента РФ, критикующем политику западных стран по «отмене русской культуры».

Какую же роль играет в данном процессе сложившаяся в России в последние годы система образования? Образование – важнейший социокультурный институт, обеспечивающий трансляцию и воспроизводство национальной культуры, передачу социокультурного опыта последующим поколениям. Поэтому образование самым тесным образом связано с теми процессами, которые происходят в обществе, в культуре. По убеждению Э. Дюркгейма, образование «представляет для общества лишь способ, с

помощью которого оно подготавливает в душах детей основные условия для своего собственного существования» [8, с. 17]. Именно общество определяет целевые ориентиры образования, исходя из социокультурной ситуации и своих насущных потребностей, поэтому «не существует воспитания, пригодного для всего человеческого рода» [8, с. 50], и образование – это всегда система, пригодная для данной конкретной страны и данного времени [8, с. 35].

История России знает немало примеров, когда именно образование выступало как инструмент реализации национальной политики российского государства. Так было в эпоху Александра I, когда с целью духовной интеграции народов империи, была предпринята масштабная реформа образования [12, с. 22]. Так было в 60-70-е годы XIX века, когда в восточных районах империи была реализована система «иногородческого» образования Н. И. Ильминского, которая послужила мощным толчком для этнокультурного развития народов империи: формирования их национального самосознания, становления профессиональной светской культуры, развития печати; формирования кадров национальной интеллигенции, активизации межкультурного обмена и др. В советскую эпоху базовые принципы системы Н. И. Ильминского были положены в основу «национального по форме и социалистического по содержанию» советского образования, – когда средством гомогенизации социокультурного пространства страны стала коммунистическая идеология [13, с. 133-134].

Уже в постсоветский период российской истории, в 1990-е годы, своеобразным «ответом» на действие выше названных факторов, важнейшим из которых стал крах коммунистической идеологии, стало введение в государственные стандарты высшего образования и в учебные планы всех направлений подготовки такой дисциплины, как «Культурология», которая была призвана формировать у российской молодежи социокультурное видение мира на основе общечеловеческих ценностей. Таким образом, культурология стала дисциплиной, которая пришла на смену научному коммунизму, так как научный коммунизм формировал видение мира, базирующееся на идеологических основаниях, культурология же призвана была объяснять современный мир, исходя из культурных различий живущих в нём народов. Появление культурологии как учебной дисциплины, с одной стороны, было подготовлено всем ходом развития мировой науки о культуре; с другой – создавало большие эвристические возможности для огромного числа ученых, работавших в советское время в других областях гуманитаристики. Именно здесь «открывались» ранее неизвестные концепции культуры, возникали новые идеи и методы постижения действительности, сложилась система патриотического и культурного воспитания молодежи.

Такая ситуация существовала в нашей стране до 2000-х годов. Но уже в государственных образовательных стандартах второго поколения культурология как учебная дисциплина была практически сведена к курсам по выбору. Однако некоторые возможности для культурологического образования будущих специалистов еще сохранялись за счет наличия в структуре высшего образования

национально-регионального компонента, позволяющего выстроить систему образования в России с учетом этнокультурного разнообразия российских регионов, актуальных потребностей возрождения и развития национальных культур, формирования позитивного опыта межкультурного взаимодействия и др. Кроме того, такой подход к формированию содержания высшего образования давал возможность наполнения учебного процесса в вузе целой палитрой дисциплин культурологического характера; давал возможность изучать значимые события российской истории на пересечении глобальных, национальных и локальных тенденций [12, с. 24].

Особое значение данный компонент высшего образования имел для таких регионов, как Оренбургская область – один из самых мультикультурных регионов современной России, в котором «столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной» [2, с. 490]. Поэтому введение дисциплины «Культурология» в учебные планы вузов Оренбургской области было вполне оправданным и логичным.

Однако в ФГОС ВО 3-го поколения, построенных на принципиально иных основаниях, эти возможности образования, связанные с отражением этнокультурной специфики регионов России, были сведены к минимуму. Печальным следствием их реализации стала совершенно «безликая» модель образования [12, с. 24], не отвечающая потребностям полиэтнического населения России и не отражающая её культурной специфики, т. е. модель образования, которая может быть с одинаковым успехом использована как Китае, так и во Франции или какой-нибудь африканской стране.

В образовательном пространстве страны Оренбургский государственный университет позиционирует себя как университет классического типа, что предполагает соответствие образовательного процесса в вузе определенным требованиям не только количественного (например, многопрофильность), но и качественного характера. В основе понятия «классический университет» лежит идея универсальности и гуманистичности знания. В отличие от других учебных заведений, он всегда был элитарным образовательным учреждением, миссию которого мыслители видели в становлении личности в системе культуры. Концепция классического университета, разработанная в XIX веке В. Гумбольдтом, отрицала примитивно-утилитарный подход к образованию, отстаивала приоритет фундаментального теоретического познания и обязательность гуманитарной подготовки для образованной личности [15, с. 41-42]. Но гуманитарная подготовка личности не сводилась к одной из функций университета, она была основой всего образования, так как, по мнению мыслителя, без нее не может быть образованной личности. Именно благодаря этим качественным характеристикам классический университет всегда занимал ведущее место в подготовке интеллектуальной элиты страны, в подготовке не только высококвалифицированной, но энциклопедически развитой, творческой личности, способной к постоянному развитию [10, с. 21]. Поэтому утрата гуманитарного наполнения образовательного процесса в университете означает

утрату онтологической определенности классического университета, самой основы его существования.

Однако современная меркантильная эпоха меняет сами ценностные основания образования, когда критерий истинности знания сменяется критерием его эффективности и полезности [4], что приводит к кризису классической формы университета, к ее изживанию и концентрации на формальных критериях экономической эффективности при утрате самой гуманистической сути образования [6, с. 5-6]. Между тем, как указывают западные исследователи, в частности У. Бек, в условиях формирования основ постиндустриальной цивилизации профессионально ориентированная система образования, основанная на принципах узкого прагматизма, характерного для индустриальной эпохи, «все больше превращается в анахронизм» [1, с. 224], в «кладовую для безработной молодежи», «молодежную базу между улицей и тюрьмой» [1, с. 227]. Поэтому образование современного человека не может быть ограничено только базовыми знаниями, полученными в школе и в вузе. В современную эпоху, как указывают специалисты в области образования, повышаются требования к уровню общекультурной подготовки личности, которая является важным условием ее успешной адаптации к качественно новым и быстро меняющимся обстоятельствам. Именно с этими изменениями социокультурного контекста связан современный «антропологический ренессанс» и бум гуманитарных наук, отмечаемый учеными [11].

Таким образом, высшее образование в университетах, называемых по инерции «классическими», превращается сегодня в «анахронизм», и эта тенденция дегуманитаризации и дегуманизации высшего образования находит свое отражение и в образовательном процессе Оренбургского государственного университета. Назовем лишь некоторые из фактов.

В базовой унифицированной части учебных планов всех специальностей и направлений подготовки ОГУ доминируют дисциплины прикладной направленности, не имеющие под собой серьезной фундаментальной, академической основы: «Основы проектной деятельности», «Тайм-менеджмент», «Социокультурная коммуникация» и др., что создает серьезные трудности и в обеспечении студентов научной и учебной литературой. Следует также отметить, что универсальные компетенции, закрепленные за этими дисциплинами, могут быть реализованы (и реализовывались в советскую эпоху) средствами всех учебных курсов. Так, например, своеобразным аналогом Тайм-менеджмента был НОТ – научная организация труда, целью которой является экономия времени и ресурсов, затрачиваемых в процессе труда. Формирование навыков эффективного управления временем входило в круг задач каждого преподавателя высшей школы. То же можно сказать и о дисциплине «Основы проектной деятельности», призванной формировать у студентов навыки социального взаимодействия, командной работы и лидерства.

С учетом всех дисциплин базовой части учебных планов негуманитарных направлений подготовки, гуманитарная наполненность университетского образования остается минимальной, ограничиваясь такими дисциплинами, как

«Философия», «История», «Основы российской государственности». Между тем универсальная компетенция УК-5, устанавливаемая ФГОС ВО, предполагает введение в учебные планы бакалавриата дисциплин культурологического содержания. В Оренбургском государственном университете данная компетенция реализовывалась за счет дисциплин «Социокультурная коммуникация» (до 2023 года) и «Основы российской государственности» (с 2023 года). Однако ни та, ни другая дисциплина не могут сформировать у студентов целостного представления о культуре, об основных законах ее функционирования и развития, о роли культуры в жизни человека и общества, о ценности культурного разнообразия, а значит, не могут формировать уважительного отношения к традициям и ценностям других народов, являющегося основой межкультурного согласия в обществе. Базовой основой всех вышеназванных курсов может быть только культурология как дисциплина, имеющая теоретический и интегративный характер.

Сегодня в университете успешно реализуется несколько сотен специальностей и направлений подготовки, однако бюджетный набор студентов на направление подготовки «Культурология» осуществляется раз в 5-6 лет, а дисциплина «Культурология» преподается лишь на одной специальности, причем в минимальном объеме часов. Между тем, опыт преподавания в университете показывает, что большинство студентов обладает низким уровнем знаний о культурном развитии России, о ее цивилизационных особенностях и достижениях, а также об особенностях региональной культуры Оренбуржья. Однако именно эти знания являются основой формирования патриотизма, гордости за свою страну и любви к своей малой родине, что является чрезвычайно актуальной задачей образования в современных условиях. И данная ситуация, на наш взгляд, является закономерным и логичным результатом «отмены культуры» в образовательном пространстве университета. А значит, само название конференции «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры», ежегодно проводимой в Оренбургском государственном университете, является не более чем декларацией, не отражающей реального положения дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.
3. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х тт. Т.1. / Н. А. Бердяев. – М.: Искусство, 1994. – 542 с.
4. Бут, О. А. Универсум классического университета: современные возможности и перспективы развития / О. А. Бут // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17899> (дата обращения: 18.02.2024).

5. Волков, С. К. Культура как фактор формирования привлекательного имиджа российских территорий / С. К. Волков // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 13(388) – С. 60-67.
6. Гомцян, О. А. Классический университет: его миссия и вызовы времени в контексте доминирующей неопределенности в пространстве в современной реальности / О. А. Гомцян, Д. С. Ткач // *Образовательные технологии*. – 2015. – № 3. – С. 5-18.
7. Данилов, А. Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции / А. Н. Данилов // *Социологические исследования*. – 2023. – № 2. – С. 63-71.
8. Дюркгейм, Э. Социология образования / Э. Дюркгейм. – М.: ИНТОР, 1996. – 80 с.
9. Князева, Е. Н. Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб.: Алатейя, 2002. – 414 с.
10. Майер, В. Г. Классические университеты: современность и перспективы / В. Г. Майер, М. Д. Бабанский // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2000. – № 2. – С. 20-21.
11. Мухамеджанова, Н. М. Гуманитарное образование в системе профессиональной подготовки личности / Н. М. Мухамеджанова // *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Всероссийская научно-методическая конференция (с международным участием), 29-31 января 2014 г., г. Оренбург, 2014 г.* – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 2059–2066.
12. Мухамеджанова, Н. М. Образование в полиэтническом обществе / Н. М. Мухамеджанова // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2019. – № 1. – С. 21-26.
13. Мухамеджанова, Н. М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н. М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
15. Шушляева, О. Н. Развитие идеи классического университета в концепциях немецких ученых / О. Н. Шушляева // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2018. – № 1 (67). Часть 3. – С. 41-44.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОДА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

**Орлова Е.В., кандидат философских наук кафедры философии,
культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

Активные геополитические изменения, бурно протекающие в последние десятилетия, влекут за собой и существенные трансформации на уровне цивилизационного взаимодействия. В условиях цивилизационных изменений происходит переосмысление коммуникационных связей на разных уровнях. Так, меняются подходы и стратегии к сути межцивилизационного взаимодействия, вследствие чего люди начинают больше задумываться о доминантах собственной социокультурной специфики, которые и ставятся в основу субъективного ощущения социальной и культурной принадлежности на уровне самоотождествления себя с конкретной территорией через идентификацию с определенной культурной традицией. Данная ситуация позволяет еще более актуализировать научные изыскания в области исследований города в его социокультурном измерении.

Следует оговориться, что данная проблематика прочно вошла в социогуманитарный дискурс, и разрабатывается в разных областях научного знания довольно давно. Механизмы формирования социокультурной специфики города достаточно подробно проанализированы с точки зрения различных научных направлений и не ограничиваются областью урбанистики, а выходят за ее пределы в интегративные исследования на стыке культурологии, философии, социологии, экологии, политологии, экономики и т.д. [3]. Отдельное место в данном направлении исследовательской деятельности занимают разработки в области определения основных доминант, конструирующих уникальный социокультурный образ или портрет каждого конкретного города. В основу такого анализа авторы ставят различные факторы, иногда внешне взаимоисключающие друг друга. Так, в научной литературе часто встречаются работы, где акцент в анализе социальной и культурной уникальности города делается на культурном ландшафте территории, визуальной среде, брендинге, наличии туристических зон, символических и исторических образах города и мн. др..

Как представляется, все вышеперечисленное многообразие подходов, отражает современные потребности в определении конкретных явлений, формирующих уникальный портрет города, и требует дальнейшей систематизации. Как утверждают авторы монографии «Город: в поисках идентичности»: «Актуальность такой постановки проблемы задана назревшей потребностью эпистемической трансформации в сфере урбанистического знания, а именно – необходимостью переноса когнитивного акцента с «городского человека» (человека в городе) на «человеческий город»» [2, с.10].

В данном контексте, город можно понимать «не как физическое место, структурированное материальными объектами, а как специфически-человеческим образом организованную коммуникативную среду, как сложно устроенное, семиотически размеченное пространство, отражающее собой особенности бытия человека как культурного существа и иницирующее (продуцирующее, транслирующее во времени) культурно-коммуникативную активность человека» [1]. Включенность жителя в городскую жизнь, таким образом, основывается на особенностях коммуникативных процессов, имеющих индивидуальный характер для каждого городского сообщества. Уникальность задается такими параметрами как: непосредственная коммуникативная включенность, когда гражданин является активным участником городского события и опосредованная, когда городские смыслы транслируются через посредников. К таким посредникам можно отнести различного рода социокультурные институты.

Авторитетный исследователь городской специфики Н.Г. Федотова выделяет институциональный аспект исследования городской среды, называя его одним из важнейших фактов формирования городской идентичности. «В частности, институциональный аспект,... позволяет рассматривать факторы формирования городской идентичности исходя из институтов, актуализирующих городские смыслы: политические (законодательная власть), образовательные (школа), культурные (музей), религиозные (церковь), научные (НИИ) и пр.» [7. с. 40].

И. И. Свирида считает различного рода культурные институты отдельными точками сгущения культурной энергии города. По мнению ученого именно они, локализуясь в социальном и физическом пространстве, определяют векторы культурной ориентации [5, с. 16.]. Такие институты, деятельность которых в первую очередь связана с производством и потреблением знакового, символического наполнения городского пространства, существенным образом влияют на социокультурную составляющую городской жизни. Они имеют официальный статус и обладают необходимым набором социальных, правовых, финансовых инструментов, позволяющих реализовывать необходимые стратегии развития городских культурных практик.

Как уже было сказано выше, к институтам города относят: структуры власти, культуры, социальные организации, институты образования, церкви, СМИ, общественные организации и т.д. Как представляется, все многообразие действующих в городе институтов можно свести к общей структуре, наибольшую значимость в которой представляют:

1. Учреждения образования (ВУЗы, СУЗы и т.п.) Количество высших учебных заведений, основные направления подготовки, реализуемые в них, специализация, направления и активность научно-исследовательской деятельности влияют на восприятие города.

2. СМИ. Телевизионные каналы, городская периодика, специфика подачи материалов, уникальность языка отражают городскую самобытность.

3. Учреждения культуры и искусства. Концентрация и интенсивность

театральной, музыкальной, музейной жизни города, гастрольная деятельность, активность городского населения в художественно-культурной жизни позволяют судить о городской культуре.

4. Культурно-досуговые учреждения. Именно здесь локализуется местная специфика, так как акцент всегда делается на сохранение местных традиций, а тематика досуговой деятельности дает представление об интересах горожан.

5. Центры народной культуры. Национальные музейные комплексы, музеи народного творчества, национальные театры, народные коллективы наиболее ярко отражают местное своеобразие.

6. Интернет. «Глобальная сеть» позволяет включить городскую культурную специфику в пространство региональной, общероссийской культуры, в общее социокультурное пространство. [5, с.152].

Можно утверждать, что подробный анализ уникальных конфигураций символического, событийного наполнения реализуемых в каждом конкретном городе в рамках деятельности данных институтов, позволит сделать глубокий, полный обзор особенностей городской среды, ее смыслового наполнения, и образа жизни местного населения[4].

Для того чтобы деятельность представленных институтов имела успех, они все должны кооперировать свою работу и направления развития с интересами и потребностями жителей. Эффективность может быть достигнута лишь при плотном сотрудничестве всех официальных и общественных структур города. Так без поддержки местным сообществом направлений деятельности, реализуемых в институтах города, без вовлеченности городских жителей в систему актуализации городских смыслов, любые городские культурные и социальные программы не будут иметь отклика и горожан и, не достигнут должного результата.

Все вышесказанное напрямую касается всевозможных социальных и культурных проектов города. В условиях повышения конкурентоспособности территорий, городской брендинг и работа на положительный имидж города, реализуется на уровне городского проекта. Так, в городах сегодня активно развиваются различного рода культурные проекты и программы, воплощение в жизнь которых возможна лишь при консолидации институтов власти, культуры и общественности. В г. Оренбурге на различных он-лайн платформах городских сообществ, проводится множество социальных опросов, касающихся уникальности культуры и истории г. Оренбурга. К примеру, опрос жителей Оренбургской области на знание истории своей малой Родины «Я – Оренбуржец и этим горжусь!» и др. Значение данных программ заключается в том, что к исследованию города привлекаются его жители, которые осмысливают, продумывают, включаются в городское сообщество посредством своей вовлеченности в специфику городских смыслов. Культурные проекты предполагают также и централизованно организованную событийность (фестивали, городские праздники, акции, конкурсы и т.д.).

Важной особенностью формирования социокультурной специфики с точки зрения институционального аспекта, является разработка стратегий, задающих

направленность культурной жизни города и определяющих смысловое наполнение культурных и социальных проектов. Так, в рамках политики важнейшими формами объединения городского сообщества будет мобилизация и консолидация гражданского единства, то есть городские программы будут преследовать данные цели и будут связаны с определенными институтами. С точки зрения социокультурного развития, городская среда обеспечивает не только патриотические чувства, но и поддержание самобытности города и его традиций (язык, фольклор, местные праздники и др.), как основных аспектов формирования городской идентичности, соответственно данные стратегии будут разрабатываться и утверждаться в рамках культурной политики города, области.

Итак, институциональный аспект исследования социокультурной специфики города заключается в выделении и изучении особенностей существования разного рода институтов в структуре города. Не смотря на то, что данные институты призваны формировать, направлять, корректировать различные стратегии, задающие вектор социокультурного развития города, сама социокультурная среда еще не во всех городах реализуется как проект. Но, как представляется, для местных систем управления, реализация городского проекта как проекта культурного имеет стратегически важное значение, так как в итоге позволяет создавать, запускать и координировать развитие городских культурных программ, способствующих формированию символических кодов, которые в дальнейшем станут основой позитивной идентичности, как местного сообщества, так и гостей города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов / С. С. Аванесов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – №. 4 (10). Режим доступа: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/avanesov_s_s_9_22_4_10_2_016.pdf (дата обращения: 04.04.2024).

2. Аванесов, С. С., Федотова, Н. Г. Город: в поисках идентичности / С. С. Аванесов, Н. Г. Федотова. – СПб.: Алетейя, – 2022. – 516 с.

3. Мухамеджанова, Н. М. Образ города Оренбурга: культурологический анализ: учебное пособие / Н. М. Мухамеджанова, Е. В. Орлова, Т. Ю. Скопинцева; Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2019. – 148 с. Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0/Downloads/93013_20190402-1.pdf (дата обращения: 04.04.2024).

4. Орлова, Е. В. Культурная сфера как фактор, определяющий образ города Оренбурга / Е. В. Орлова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 31 янв.-2 февр. 2018 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". – Оренбург : ОГУ, 2018. Режим доступа:

<http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/5801/1/1652-1660.pdf?ysclid=lrta16o52697511989> (дата обращения: 04.04.2024).

5. Орлова, Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (81). – С. 149-152.

6. Свирида, И. И. Пространство и культура: аспекты изучения / И. И. Свирида // Славяноведение. – 2003. – № 4. – с. 14-24.

7. Федотова, Н. Г. (2017) Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н. Г. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – №. 20(3). – С. 32–49.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

**Парусимова Я. В., кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

Прикладная этика возникла как междисциплинарное направление исследований в 70-е гг. XX века. Отличительная черта современной этики – это стремление применять этическое знание к различным областям жизни и связь этики с другими науками, на стыке которых и появились различные области исследования: биоэтика, экологическая этика, педагогическая этика, этика науки, бизнеса, права, политики и т.д., которые в дальнейшем и получили собирательное название «прикладная этика».

Следует отметить, что в западном научном сообществе прикладная этика воспринимается как самостоятельная наука, обособившаяся от этики и постепенно замещающая и вытесняющая её.

В отечественной науке прикладная этика воспринимается либо как одна из областей этического знания, либо как новый этап развития этики, как новый способ её существования. Появление прикладной этики изменило понимание самого предмета этики, проблем морали и способов их решения. С появлением прикладной этики законы взаимоотношений между людьми приобрели новую конкретику.

В научной литературе принято выделять: 1) философскую этику, изучающую сущность морали, её функционирование, развитие различных моральных феноменов и институтов; 2) нормативную этику, изучающую содержание и динамику конкретных моральных норм и ценностей; 3) прикладную этику, изучающую нормативную базу конкретных проблем в области практической деятельности [2, с. 24-25].

Можно встретить разные трактовки прикладной этики: как современной разновидности практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы; как моральной практики в конкретных видах человеческой деятельности; как практики применения этических концепций к частным ситуациям; как нормативно-ценностной подсистемы самой морали, как результат конкретизации морали, проектно-ориентированное знание [4, с. 56].

Первооткрывателем российской прикладной этики считается тюменский учёный, доктор философских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института прикладной этики, Владимир Иосифович Бакштановский. Под его редакцией с 90-х гг. издавался журнал «Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР», посвященный этике бизнеса, корпоративной этике. Затем журнал стал называться «Ведомости», а с 2011 года – «Ведомости прикладной этики».

Одна из основных идей многих современных исследователей-этиков – праксеологизм – идея практически-прикладной ориентации этической мысли [5].

Своеобразная рационализация, прагматика морали (польза, одобрение, успех) складывается всякий раз, когда человек оказывается в ситуации морального выбора, актуального выбора на шкале противоположностей добра и зла.

Особенности современного этапа развития нашей цивилизации порождают новые нравственные ситуации, вызывающие к жизни новую этику, новые этические категории. Постоянно возникают конфликтные ситуации, которых до этого не было и быть не могло.

Помимо уже упомянутого журнала «Ведомости прикладной этики» в нашей стране публикуется ряд журналов, посвященных проблемам медицинской этики и биоэтики, выпускаемых медицинскими вузами. Кроме того, во многих этических журналах на постоянной основе существует рубрика «Прикладная этика» (к примеру, в журнале «Этическая мысль»). Проанализировав, какие проблемы обсуждаются исследователями в монографиях, научных статьях, на круглых столах, семинарах и конференциях, посвященных современному состоянию научных исследований в области прикладной этики, выделим наиболее актуальные.

В первую очередь, обозначим проблему преподавания дисциплины «Прикладная этика», сопряженную с методологическими подходами к преподаванию; с вопросами соотношения фундаментального теоретического знания с современными прикладными этическими концепциями; соотношение междисциплинарного характера исследований прикладной этики с философским знанием; соотношение прикладной и профессиональной этики.

Наиболее успешными в практике решения моральных дилемм, нравственных конфликтов, открытых моральных вопросов исследователи признают использование методик моделирования, ситуационного анализа, метод кейс-стади, проектные работы [3].

Для достижения глубокого ценностного, смыслообразующего понимания моральных дилемм, для возможности осознанного, ответственного их решения необходим арсенал фундаментальных этико-философских знаний. Разработка учебных программ и преподавание «Прикладной этики», на наш взгляд, должны вестись профильными философскими кафедрами с привлечением специалистов-практиков из конкретных профессиональных сфер на практических занятиях, консультациях, мастер-классах и т.д. Прикладная этика изучает проекции фундаментальных этических вопросов на конкретные профессиональные ситуации и призвана научить будущих специалистов решать конкретные моральные задачи в своей профессиональной деятельности, используя определённые алгоритмы решения с опорой на высшие этические ценности. Необходимо развивать у обучающихся компетенцию творческого, гибкого подхода, готовности к новым, подчас неожиданным условиям в сочетании с принципиальным, ответственным принятием решения.

С 2003 г. в некоторых вузах ведётся специальная подготовка этических кадров по направлению подготовки бакалавриата и магистратуры «Прикладная этика» (например, в Санкт-Петербургском государственном университете, Уральском федеральном университете).

Не смотря на актуальность вопросов, изучаемых в рамках учебной дисциплины «Прикладная этика», далеко не каждая выпускающая кафедра включает её в свою образовательную программу. Как правило, это философские кафедры и, в редких случаях, другие кафедры социально-гуманитарной направленности. Кафедры технических, естественнонаучных, экономических и других профилей ограничиваются курсом «Профессиональная этика», что, на наш взгляд, не является полноценной заменой, так как теряется связь с фундаментальным теоретическим знанием. Полноценный дискурс возможен и будет плодотворным только при достаточной теоретической подготовке всех участников в сочетании с актуальностью и практической значимостью предлагаемых кейсов. Чтобы решать проблемы этического характера в сложившихся условиях современного общества, специалисты должны иметь необходимые знания и навыки, выходящие за пределы исключительно профессионального блока. Необходимо также развитие у обучающихся навыков сопоставления этических и узкопрофессиональных норм и понятий и понимания мировоззренческих, ценностных, философских оснований профессиональной деятельности. На наш взгляд, в сегодняшних социально-экономических условиях и при современном уровне развития науки и технологий любое решение в практической деятельности имеет этическое измерение. Это значит, что преподавание учебной дисциплины «Прикладная этика» должно стать неотъемлемой частью общекультурного блока образовательных программ специалитета и магистратуры, а для социально-гуманитарных направлений подготовки – и программ бакалавриата.

К традиционным направлениям исследования в рамках прикладной этики, таким, как биомедицинская этика, этика бизнеса, корпоративная этика, в последние десятилетия добавились медиаэтика, информационная этика, цифровая этика, нейроэтика.

Несомненно, одно из наиболее актуальных и развивающихся направлений прикладной этики – биоэтика. Среди исследователей бытует мнение, что концепция биоэтики – это новый современный тип мышления, а сама биоэтика и есть новый этап развития этического знания.

Наряду с уже давно обсуждаемыми вопросами эвтаназии, клонирования, трансплантации органов, суррогатного материнства, аборт, в начале нового тысячелетия в биоэтике выделилась новая область исследований – нейроэтика, исследующая этические вопросы, связанные с нейронауками и изучением мозга человека. В нейроэтике обсуждаются проблемы инвазивных нейротехнологий, биохакерство, трансгуманизм, «улучшение человека». Но есть и обратная сторона, как отмечает Р.Г. Апресян: «результаты нейронаучных исследований когнитивных процессов могут многое дать философии для развития ее понимания характера моральных суждений, роли эмоционального и интеллектуального, интуитивного и дискурсивного в моральном мышлении, освоения индивидом морального опыта» [1].

Такой раздел прикладной этики, как информационная этика, возникший в конце XX века и акцентированный поначалу на этических проблемах

библиотечного дела, теперь связан с этическими проблемами внедрения информационных технологий, компьютерной этикой. Включает круг этических проблем, связанных с производством и распространением информации: понимание информации как ценности, конфиденциальность и защита информации и прав на неё, плагиат, ложь, насилие, манипуляция сознанием, цензура в информационных средах, в СМИ.

В последние десятилетия наиболее актуальные проблемы информационной этики обособились в цифровую этику. Цифровая этика включает в себя этические проблемы виртуальной реальности, искусственного интеллекта, цифрового образования, виртуальных сообществ, цифровой индустрии развлечений. Трансформирующееся общество, подхваченное новой волной цифровой цивилизации, вынуждено отвечать на новые ценностные вызовы, разрешать нравственные конфликты в новом пространстве виртуальной реальности, формировать новые нормы поведения как в виртуальной, так и в привычной реальности. На поверхности оказались проблемы неопределённости и неоднородности «неотрадиционных» моральных ценностей сетевых сообществ, потеря культурной и личной идентичности виртуального субъекта, проблема свободы и ответственности в виртуальном пространстве, проблема защищённости и безопасности. Процесс трансформации нравственных ценностей происходит столь стремительно, что не успевает получить рациональное осмысление, этико-философскую оценку и представляется процессом стихийным, хаотичным и, по большей части, деструктивным. На повестке дня возникает вопрос о необходимости этической экспертизы и контроля в пространстве виртуальной реальности.

Внедрение в практику профессиональной и других видов деятельности человека этической экспертизы – одна из практических задач прикладной этики на современном этапе. Эта проблема наиболее актуальна для нашей страны. Данная практика не разработана ни институционально, ни методологически. У нас практически нет специальных этических комитетов. Не разработана правовая сторона данного вопроса. Нет ясности в процессуальном контексте вопроса и в статусе данной экспертизы. Она должна носить рекомендательный характер или санкционный? Как согласуется этическая экспертиза с лингвистической, психологической, правовой и т.д.?

В данном докладе мы затронули лишь некоторые актуальные вопросы современного этапа развития прикладной этики. В заключение отметим, что осуществление современных проектов любой направленности – технических, экономических, социальных, политических – невозможно без внимания к гуманитарным аспектам жизни, без решения определённых нравственных задач. Поэтому крайне необходима на сегодняшний день правильно выстроенная этическая коммуникация между специалистами социально-гуманитарной сферы с одной стороны и властью, бизнесом, производством с другой. Эта коммуникация должна стать стратегической, прогностической, а не прецедентной, проблемной, так сказать рефлексией постфактум.

Этико-философское знание на сегодняшний день пришло к пониманию назначения и роли философии как искусства жизни, жизнеучения, способа самоопределения человека, придания его жизни смысла, достоинства и ценности. Практическое применение этического знания – это своеобразная теоретизация практической жизни, сводимая к её концептуализации, ценностному осмыслению, осознанному и ответственному принятию решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Р. Г. Нейроэтика: вызовы и недосмотры // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. IV, № 1. – С. 13-23.
2. Апресян, Р. Г. Этика: учебник / Р.Г. Апресян. – М.: КНОРУС, 2017. – 356 с. – (Бакалавриат и магистратура).
3. Артемов, Г.П. Прикладная этика: особенности образовательных практик (круглый стол кафедры этики Санкт-Петербургского университета) / Г.П. Артемов, Т.Ю. Барташевич, А.И. Бродский, Е.В. Держивицкий, Т.В. Ковалева, И.Ю. Ларионов, Е.А. Овчинникова, В.Ю. Перов, А.М. Положенцев // Этическая мысль. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 135–157. URL: <https://et.iphras.ru/article/view/7732/3672> (дата обращения: 07.04.2024).
4. Бакштановский, В.И. Введение в прикладную этику: монография / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.
5. Яркова, Е.Н. Тюменская этико-философская традиция: методология исследования: материалы круглого стола / Е.Н. Яркова, А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян, И.М. Чубаров, С.М. Халин, И.Б. Муравьев, Т.В. Дягилева, Я.В. Мальцев // Философская мысль. – 2021. – № 8. – С. 1-24. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36095 (дата обращения: 06.04.2024).

ИСТОРИЯ В МУЗЕЕ И МУЗЕЙ В ИСТОРИИ

Просвирнина О.И.

ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет), г. Челябинск

Идея философского осмысления музея, его роли в развитии обществ и человека вызывала и по сей день вызывает определенный интерес в научном сообществе. Наряду с этим актуализируется и общественный запрос «отражения» истории в современных музеях, ее интерпретации, репрезентации [1]. Как реакция на общественный запрос и ответ вызовам современности, в частности в России, в публичном поле появляются заявления политических лидеров и представителей общественности о значимой роли музея. Например, в связи с недопущением фальсификации истории и необходимостью сохранения национально-культурного наследия [2].

Рост числа исследований и повышение общественного внимания к вопросам интерпретации «истории в музее» и «музея в истории» обусловлен не только, и даже не столько, современными тенденциями укрепления национальной идентичности государств, усложнением и трансформацией модели мирового порядка, процессами информатизации и диджитализации. Эти процессы являются лишь следствием глубинных изменений реальности и общественного сознания.

Придерживаясь концепции «Третьей волны» Э. Тоффлера [3], можно предположить, что первостепенная причина «музейного бума» и возрастания роли музеев в современном обществе кроется в основаниях перехода человечества от одного типа общества – индустриального к совершенно другому, новому типу – постиндустриальному. Для того чтобы понимать, как человеку приспособиться к меняющимся условиям жизни и принимать правила «необытия», просто необходима преемственность поколений и опыт прошлого, истории всего человечества, передача накопленных знаний о деятельности в отдельных сферах, направлениях искусства, культуры. Адаптивность «человека третьей волны» одновременно становится условием его выживания и локомотивом развития. Другая причина кроется в онтологических основаниях, происходящих изменений, которые были предложены А. Ассман в аналитике темпорального режима Модерна [4]. Автор утверждает, что в XX столетии произошел разрыв между прошлым, настоящим и будущим, а современный человек настолько нагружен «прошлым», что для «настоящего» уже и места не остается. Это приводит к серьезным изменениям сущности прошлого, переоценке его важности, а музеи становятся субъектами, транслирующими и ретранслирующими эти тенденции в социум.

Круг не менее значимых вопросов философского характера, позволяющих раскрыть взаимоотношения «истории» и «музея», поднимаются в исследованиях целого ряда других зарубежных (П. Нора, К. Хадсона [5], Т. Беннетта [6], и др.)

и отечественных ученых (О.В. Герасимова, А.С. Дриккера, З. Бонами, Е.А. Маковецкого, Е.Н. Мастеница и др.).

Вне зависимости от направленности деятельности каждый музей имеет дело с «прошлым», «свершившимся», даже чаще временами с «архаичным». Это тесным образом связывает феномен музея с философскими проблемами хронотопа и темпоральности и переводит его в пространство публичной истории. При этом истории и история будут «рассказываться» музеем разные и каждая для своей публики.

В этой связи необходимо отметить, что музей может представлять историю в ее широком смысле, как знания человека о прошлом опыте, отдалённое время с его событиями, происшествиями, как историю человечества в ее глобальном измерении. Тут определяется несколько вариантов «прочтения музея».

Во-первых, мы можем наблюдать представление музея как храма, социально-культурной институции, где всегда будет присутствовать «торжество науки и знания», «эталоны искусства», «дух эпохи», «таинство ушедшего времени». Музей-храм в этом смысле – это идеальная культурная институция, где человек получает возможность «приобщиться к авторитетно утвержденным эталонам: Исаак Ньютон – образец гения, Мона Лиза – вершина художественного творчества, модель расширяющейся Вселенной – символ всемогущества человека, способного победить и пространство и время [7, с.29]». Этот образ музея неразрывно связан с особенностями эпох Античности [8], Возрождения и Просвещения, идеалами гуманизма и величия человеческого разума, закрепился он и в архитектурных формах, и в живописи, и в литературе.

Во-вторых, чаще всего мы представляем музей как некое «хранилище» артефактов, вещей, образов. Все экспонаты связаны между собой последовательностью событий, эволюционных этапов развития общества, знания, науки, техники, национальной культуры. В таких музеях посетитель уже может встретиться с «историями вещей», отдельных экспонатов, погружаясь в частности и в детали. Так «сужается история» в музее и возникает феномен «музея чего угодно». В этом варианте музей архивирует прошлое, в нем осуществляется и музеефикация культуры, формируется накопительный эффект. Такой образ музея «укладывается в историческую логику постмодерна, характеризующуюся отказом от метанарративов, с её ориентацией на микроисторические исследования – историю вещей, историю персон, историю мест, или историю повседневности. «Музей самовара» (Городец), «Музей калача» (Коломна), «Музей пива» (Чебоксары) и сотни им подобных открыты сегодня повсеместно» [9., с. 24]. Продолжая перечень примеров разных историй в музее, нельзя не упомянуть музеи-усадыбы или музеи-дома известных писателей, философов, скульпторов, ученых. Например, Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина с. «Михайловское» в Псковской области; дом-музей скульптора А.В. Чиркина в г. Касли Челябинской обл. и др.. Внимание посетителей в таких «вековечных местах» направлено не на творческие или исследовательские достижения, а на «разворачивание» истории отдельного

человека, истории его повседневности. Так представляется история в музее в ее узком значении.

С середины XIX–XX-х вв. появление музеев нового типа приобретает грандиозные масштабы. События начала XX в. обуславливают возникновение первых музеев исторической памяти. Музеи начинают транслировать трагический опыт человечества по итогам мировых войн и прогремевших революций. История и истории, которые презентуются музеями уже как субъектами реальности – очевидцами событий, приобретают существенную эмоциональность. В это же время музей становится «рассказчиком», музеем-театром, который конструирует нелинейное восприятие времени, соединяя «прошлое» и «будущее» в обход настоящего, где репрезентации подлечит ключевая идея–«никогда снова..». Примеры таких музеев-мемориалов достаточно известны: музей истории ГУЛАГ, музеи Холокост по всему миру и др. Эмоциональное вовлечение посетителей в таких «местах памяти» по П. Нору достигается архитектурой помещений, расстановкой экспонатов, цветовыми и дизайнерскими решениями элементов экспозиции, звуковым сопровождением, светом... Сегодня тенденция появления музеев мемориального типа сохраняется, обусловленная напряженной мировой обстановкой. «История в таких институциях, предъявляемая как память, должна постоянно удерживать эмоциональное напряжение в отношении того самого травматического опыта» [10, с. 23]

Так, как показывает анализ кейсов, современные музеи памяти все чаще и активнее при экспонировании выставок прибегают к использованию аффективных приемов и техник, вызывающих гиперэмоциональное возбуждение. При такой тенденции, исторические музеи отходят от осуществления традиционного набора функций как социокультурного института (образовательной, просветительской, социализирующей, хранительной и др.) и приобретают функции воспитательного, патриотического, коммуникативного характера. Однако, так или иначе, воздействие на человека остается, в этом и суть существования музея памяти.

Чуть выше мы уже упоминали о новых форматах взаимодействия музея и посетителя, и в этом смысле оценка образа музея как медиа будет очень своевременна. С применением компьютерных технологий, искусственного интеллекта, различных форм виртуальной реальности, технические возможности современных музеев существенным образом расширились. У каждого музейного учреждения сегодня есть сайт, паблик в социальных сетях, канал в телеграмме: что свидетельствует о высокой степени включенности музейных институций в медиaprостранство. Эти обстоятельства закономерно формируют информационную среду для развития коммуникации между музеями и посетителями в онлайн-пространстве. В этом качестве музеи активно формируют информационный контент и повествуют «истории» о предстоящих выставках, уже работающих экспозициях и их особенностях, об отзывах первых ее посетителей и запланированных мероприятиях. К примеру, Государственный исторический музей Южного Урала сегодня достаточно уверенно осваивает

медиапространство. О выставке «Долгий сон мамонтенка Любы», являющейся совместным проектом музея Южного Урала и Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса города Салехарда, музей рассказал интересную историю, тем самым замотивировал разновозрастных посетителей на визит, и создал информационное поле вокруг события.

Подобное прочтение музея видится идеальным, так как удовлетворяет запросам и интересам и ученого, и исследователя, располагая огромным документальным и фактическим материалом, в тоже время удерживает внимание обывателя. На эту центральную мысль в своей работе «Социальная история музеев» указывал Кеннет Хадсона [11]. Автор не только раскрывает различные «образы» музея, представляет институт через призму взаимодействия музея и посетителя, но и транслирует отражение в музее повседневной жизни людей, раскрывая «личные» истории и историю глобальную.

Таким образом, являясь одной из долго существующих и в содержательном плане нагруженных социально-культурных институций, музей, с одной стороны, выступает ретранслятором истории и частных историй, с другой стороны, становится ее драйвером и локомотивом развития.

Именно музей «преобразовывает» «прошлое» человека в память и в историю, историю в «прошлое», прошлое в «ценное настоящее», настоящее в «перспективное будущее». Музей существует для общества, работает и трансформируется для людей и благодаря людям. Как социокультурный институт он имеет исключительно рукотворное происхождение, репрезентует социальную, политическую, экономическую историю, истории музыки и искусства, историю памяти и важных событий. Музей обеспечивает коммуникацию в обществе и сохраняет преемственность поколений, передает позитивный и трагический социальный опыт, образовывает и воспитывает последующие поколения, способствует культурно-историческому и духовному наследию, формирует чувства патриотизма и уважения к Родине, выступает агентом социализации и передачи гуманистических ценностей.

Многовариантность прочтений музея и различные представления об его образах (музей-храм, музей-хранилище, музей памяти, музей как медиа), функциональное разнообразие в социуме, обуславливает возможность выделять классические музеи и музеи нового типа. Однако несмотря на попытку обширного и комплексного рассмотрения вопроса «истории в музее и музея в истории» в рамках данного исследования, некоторые аспекты проблемы требуют более глубинного изучения. Это значит, что для социально-философского научного сообщества есть поле для маневров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данные по результатам мониторингово социологического опроса россиян «о семейной памяти» от 31.08.2023. [Электронный ресурс] / Сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teni-nezabytykh-predkov> (дата обращения: 03.02.2024).

2. Перечень поручений президента Путина В.В. по итогам встречи с представителями общественных патриотических и молодёжных организаций. (26.04.2023 года) [Электронный ресурс] / Сайт Президента РФ.– Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71013>. (дата обращения: 03.03.2024).
3. Тоффлер, Э. Третья волна. [Электронный ресурс] / Э.Тоффлер. перевод на русский язык: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н. Хмелик. – М., 2004. // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/> (дата обращения: 03.04.2024).
4. Сибиряков, И. В. Рецензия на монографию А. Ассман «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна» [Текст] / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 111–113.
5. Hudson, K. A Social History of Museums: What the visitors thought. / K. A. Hudson. – London, 1975. – 210 p.
6. Bennett, T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. / T. Bennet. – London; New York: Routledge, 1995. – P. 35–36.
7. Дриккер, А. С., Маковецкий, Е. А. Музейный храм [Электронный ресурс] / А.С. Дриккер, Е.А. Маковецкий // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – №3 (24). – С. 25–36. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynuу-hram> (дата обращения: 03.04.2024).
8. Поршневу, В.П. Музей в культурном наследии античности [Текст] / В. П. Поршневу. – М.: Изд-во «Новый Акрополь», 2012. – 336 с., ил. – 1500 экз.– ISBN 978-5-91896-030-1
9. Герасимов, О.В. К онтологии музея: история, память, репрезентация прошлого [Текст] / О.В. Герасимов // Сфера культуры. – 2022. – № 1 (7). – С. 20–28.
10. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории [Текст] / Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 400 с.: ил. (Серия «Интеллектуальная история»). ISBN 978-5-4448-1101-6
11. Лещенко, А. Г. Кеннет Хадсон о социальной истории музеев [Текст] / А. Г. Лещенко // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2008. – №10. – С. 241–250.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «УКРАИНЕЦ» В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

**Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук, доцент
Сапельников Я.А., студент группы 22И(б)ИР
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

В настоящее время украинцем называют человека, являющимся представителем украинского народа. Термин «украинец» в настоящем времени является этнонимом и под ним понимается представитель одного из восточнославянских народов, однако так было не всегда. Данный смысл понимания термина используется лишь с начала XX века. Перемены в его значении отражают внутреннюю и внешнюю политику Российской империи, а после нее Советской России.

После распада СССР в исторической науке разгорелись споры о возникновении «Украины» как государства, а также о появлении самой украинской нации [4].

Рассматриваемый нами термин тесно связан с национальным движением малоросской интеллигенции. Это политическое движение часто поощрялось Австро-Венгерской империей для создания сепаратистской области на богатых плодородных землях Российской империи [2].

Слово «украинец» в народном обиходе использовалось еще в XVI веке, как в России, так и в Польше. Им описывали людей, проживающих или находящихся в приграничных районах, иными словами на окраине государства. Такие люди часто вели службу и исполняли воинскую повинность. В XVII веке значение слова немного расширяется. В смысл термина вошло малоросское казачество и население Слободской Украины (Харьковской губернии). В XVIII веке некоторые русские и зарубежные деятели науки и культуры в своих трудах использовали термин «украинец», подразумевая под ним все население Малороссии, а также западное казачество, однако в народной массе населения и в официальной сфере термин редко использовался или не использовался вовсе. Такая ситуация длилась на протяжении века [2].

В середине XIX века члены «Кирилло-Мефодиевского братства» сознательно пытались противопоставить «украинца, малоросса» и представителя русского народа, однако немного позднее даже наиболее радикальные члены общества Пантелеймон Александрович Кулиш и Николай Иванович Костомаров отказались от идеи индивидуальности малоросского народа и перестали видеть в нем отличия от русского. Слово «Украина» по-прежнему означало не связанную с этническим принципом территорию, то есть украинцем могли назвать человека любой национальности и любого вероисповедания, жившего на окраине [4].

Во второй половине XIX века появляется политическое национальное движение – украинофильство. Сторонников данного движения стали называть украинцами. Именно в этот период начинаются разговоры об украинской нации [1].

Конец XIX века в России характеризуется началом бурной общественной деятельностью. Массово по всей стране возникают кружки интеллигенции. Во Львове Михаил Иванович Павлик и Иван Яковлевич Франко создали «Русско-Украинскую радикальную партию». В Киеве возникло националистическое «Братство тарасовцев», которое заявило об особых правах Украины в территориальном составе Российской империи [4].

Уже к началу XX века слово «украинец» стало терять свое политическое значения сторонника или активного участника украинофильского движения и перерастает в понятие национальное, этническое. В 1900 году в городе Харькове была создана «Украинская революционная партия», член партии Николай Иванович Михновский создал документ «Независимая (самостийная) Украина». В документе термин «украинец» трактовался, как представитель украинского народа, украинской нации. С этого момента письменно был закреплён национальный смысл рассматриваемого нами понятия. В культурной среде студенчества и высшей интеллигенции появляются идеи о свободной, независимой, целой и неделимой Украине [4].

Через несколько лет Михновский создал «Украинскую народную партию» и опубликовал «10 заповедей», где употребил откровенно националистические лозунги. Следуя его заповедям, Украина должна существовать только для украинцев. Любой украинец должен одолеть своего угнетателя (под угнетателями понимаются русские, поляки и венгры и австрияки). Михновский героизировал украинскую нацию, видел совершенно новый путь для будущего украинского государства. Николай Иванович обращал внимание, что в администрации Малороссии сидят не украинцы, а угнетатели, поэтому нужно их сменить, используя не только политические методы, но и методы террора. За сотрудничество с русскими, поляками и венграми украинец лишался своего «избранного» статуса [4].

Уже в начале XX века понятие «украинец» стало не только географическим или политическим, но и в большей степени национальным и классовым [2, 3].

В 1905 году публицист М. Лозинский в печати обращал внимание, что нельзя вместе употреблять слова «украинец» и «русский», чтобы охарактеризовать человека проживавшего в Галичине [2].

Симон Васильевич Петлюра, будущий глава сепаратистского Украинского государства называл малороссов денационализированными предателями. Все более отчетливо видны столпы формируемой украинской нации, основой этого процесса является противопоставление «украинца» и «русского». Вместе с идеями независимости украинской нации пришел откровенный национализм и сепаратизм [2].

Революция, начавшаяся в Российской империи в 1905 году, поспособствовала распространению термина «украинец» с национальным,

этническим смыслом. Франко писал, что украинцы на себе прочувствовали жестокость русского абсолютизма, который выражался в православии, самодержавии и обрусении. Деятели культуры, науки и политики открыто стали заявлять, что украинский народ должен ощущать себя вне территориальных границ. В этот период географический смысл, рассматриваемого нами термина с большой скоростью начинает отходить на второй план [4].

После событий Первой русской революции понятие «украинец» начало постепенно распространяться среди русской интеллигенции. Об украинцах писал Владимир Ильич Ленин и другие знаменитые марксисты. Однако термин заменить понятие «малоросс» полностью не смогло, слово «украинец» стало с ним в один ряд [4].

Таким образом, современный известный нам смысл слова «украинец», как этнонима, формировался на протяжении нескольких веков и главным образом был закреплен лишь в советское время после проведения большевиками политики «коренизации» народов. Изначально украинцами звали всех людей, живших на окраине государства. В Польше слово «украинец» использовалось для обозначения людей, исполнявших военный долг в приграничных территориях. Далее смысл перешел в политическое русло, где украинцами стали называть людей, придерживающихся идеологии «украинофильства». Данная идеология уже в начале XX века переросла в радикальное националистическое направление, которое сформировало незыблемые столпы существования украинской нации.

Все чаще термин использовался для обозначения народа, причем народа обособленного от триединого русского, который включал в себя великороссов, малороссов и белорусов.

Некоторые ученые и политики начинают внутреннюю скрытую борьбу с Российской империей. Малороссийской интеллигенцией начинает проводиться курс украинизации населения, появляются попытки сформировать письменный украинский язык, который бы основательно отличался от русского литературного языка. Сами теоретики «украинства» по-разному трактовали понятие «украинец», не было единства в этом вопросе. Многочисленный народ юго-западной части Российской империи в начале 20 века ощущал себя частью единой русской культуры, несмотря на все попытки этому препятствовать со стороны политически ангажированной прослойки украинской интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевский, М. С. Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. – Киев: Лыбидь, 1990. – 400 с.
2. Каревин, А. С. Русь нерусская / А. С. Каревин. – М.: Имперская традиция, 2006. – 224 с.
3. Смолин, М. Б. Русский путь в будущее / М. Б. Смолин. – М.: Фонд ИВ, 2007. – 352 с.
4. Ульянов, И. И. Происхождение украинского сепаратизма / И. И. Ульянов. – М.: ИНДРИК, 1996. – 143 с.